

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2РОС=Рус)6

Фольклорный образ некрещеных детей в повести Николая Гоголя «Страшная месть»

Константин Юрьевич Рахно

(Национальный музей-заповедник украинского гончарства в Опошном:
Украина, 38164, Полтавская обл., Зеньковский р-н, пос. Опошное, ул. Партизанская, д. 102)

Аннотация. «Страшная месть» — одно из самых ярких и знаменитых произведений Николая Гоголя. В нем мотивы народного христианства переплетаются с архаичным языческим пластом мировоззрения. В литературоведении продолжают споры о том, что положено в его основу: сюжет и образы, заимствованные писателем из современной ему романтической литературы, или же фольклорные мотивы. Долгое время считалось, что на появление повести существенное влияние оказала западноевропейская литература эпохи романтизма с ее сюжетными поворотами и персонажами. Но на современном этапе мнение о том, что подавляющее большинство образов не изобретено самим писателем, не имеет книжного происхождения и заимствовано из фольклора и народных верований, стало преобладать в этих научных дискуссиях.

Интерес представляет данное в повести описание демонологических персонажей — некрещеных детей. Они, наряду со всем прочим, участвуют в создании готической атмосферы истории. Эти дети, как мы предполагаем, изображены пребывающими в лесу, на деревьях. Именно такие воззрения являются более древними, они перекликаются с бытовавшим у украинцев и других славян обычаем хоронить некрещеных младенцев под деревом в лесу или саду и находят неожиданные параллели у осетин. В частности, осетины полагали, что в день поминовения погибшие покидали потусторонний мир, усаживали детей, которые были с ними в загробном мире, на деревья и шли домой, чтобы навестить своих живых родственников. Это может свидетельствовать о восхождении гоголевского образа к дославянскому этническому субстрату.

Ключевые слова: Николай Гоголь, «Страшная месть», фольклор, верования, некрещеные дети.

Дата поступления статьи: 7 июля 2020 г.

Дата публикации: 25 сентября 2020 г.

Для цитирования: Рахно Ю. К. Фольклорный образ некрещеных детей в повести Николая Гоголя «Страшная месть» // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 3. С. 66–72.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2020.21.3.005>

Истоки многих образов Николая Гоголя на протяжении многих лет служат предметом горячих споров между литературоведами, фольклористами и этнологами. Долгое время считалось, что на их возникновение существенно повлияла западноевропейская литература эпохи романтизма с ее сюжетными поворотами и персонажа-

ми. На современном этапе в этих научных дискуссиях стало все же преобладать мнение о том, что эти образы в подавляющем большинстве не вымышлены самим писателем, не имеют книжного происхождения и являются заимствованными из фольклора и народных верований. В частности, в последних исследованиях была показана

архаичность украинских представлений о смерти и кладбище, отраженных в одной из наиболее впечатляющих и известных повестей Гоголя — «Страшная месть» (1831), которые, в свою очередь, как выяснилось, восходят, по всей видимости, к древне-иранскому этническому субстрату [Рахно 2019]. Но не менее интересными представляются отраженные в этом же произведении украинские верования, касающиеся так называемых *потерчат* — детей, родившихся мертвыми, убитых матерями или умерших до крещения. Как пишет о них в «Страшной мести» Гоголь, «...в час, когда вечерняя заря тухнет, еще не являются звезды, не горит месяц, а уже страшно ходить по лесу, по деревьям царапаются и хватаются за сучья некрещенные дети, рыдают, хохочут, катятся клубом по дорогам и в широкой крапиве» [Гоголь 1979, 161]. Архаический образный слой во многом порождает и обуславливает проблемы восприятия гоголевского текста, поэтому для лучшего понимания художественного мира автора необходимо установить истоки его образов.

На наш взгляд, использованный в повести образ некрещенных детей на деревьях несколько необычен и мог бы трактоваться как авторский вымысел. Гораздо чаще у украинцев встречается поверье, что некрещеные дети превращаются в птиц, которые летают по воздуху и жалобно плачут, прося их окрестить. В целом оно носит до известной степени христианский характер [Зеленин 1916, 36]. Тем не менее именно с гоголевским представлением о них, совершенно далеким от христианства, перекликаются строки Тараса Шевченко из поэмы «Княжна» (1847):

А над самою водою
Верба похилилась;
Аж по воді розіслала
Зелені віти,
А на вітах гоїдаються
Нехрещені діти
[Шевченко 1970, 23].

Косвенным подтверждением того, что некрещеные дети в религиозных воззрениях украинцев связывались с деревьями, служит и явно дохристианский обычай хоронить их под деревом. В отличие от так называемых «заложных» мертвцов, хотя они тоже не успели прожить

предназначенного им срока, не существовало представления, что таких детей не принимает земля. В Переяславском уезде Полтавской губернии считалось, что некрещеных *потерчат* грешно погребать на кладбище, поэтому их закапывали где-нибудь под деревом. Говорили, что душа младенца переходит в филина, который и обитает преимущественно на кладбищах [Чубинский 1877, 713]. Возможно, дерево рассматривалось как жилище этой ночной птицы, в которую должна была перевоплотиться душа [Зеленин, 1916, 38]. В Черниговском Полесье некрещеных детей хоронили в саду, под яблоней [Кабачова 2001, 103; Народная демонология 2012, 268]. В Житомирском Полесье зафиксированы предания о похоронах без попа, под сосной, ребенка, умершего сразу после рождения, причем позднейшие представления о том, что его душа просит креста, рассказчиком отвергались. Пень сосны сожгло молнией [Короленко 1989, 377]. На Бойковщине объясняли, что молния бьет туда, где под деревом некогда было зарыто *страдча* [Войтович 2015, 38]. На Гуцульщине, в Надворнянском уезде, тоже бытовало убеждение, что на кладбище нельзя хоронить самоубийц и *страчат*. Таких детей полагалось подвешивать в горах на пихте либо класть в корни под пихту. В старину это делал пономарь, которому за такие похороны полагалось платить и который считался сведущим в тайных знаниях. Он рассказывал, что по дороге могла разразиться буря, выворачивавшая лес [Гнатюк 1912, 248]. На Покутье, в Коломыйском уезде, недоношенных детей закапывали под порогом, а вот ребенка, умершего некрещеным, чаще всего хоронили в саду под вишней [Fischer 1928, 112]. На Пряшевщине это могла быть опушка леса [Вархол 2017, 67].

Такие обычаи были свойственны и другим славянским народам. Наиболее раннее из известных науке свидетельств, содержащее указания на похороны ребенка под деревом без привлечения священнослужителя, датируется серединой XVII в. и относится к территории современной Словакии: в 1643 г. житель села Гельпа в Гермерском Горегронье был оштрафован за то, что похоронил так дитя, и он тщетно утверждал, что раньше, когда в соседней Поломке не было священника, был такой обычай хоронить своих детей под любым

деревом или в поле в определенном месте [Tomášik 1872, 37; Markov 1957, 540]. Известны и некоторые другие аналогичные свидетельства из западнославянского ареала. В одном польском селе было такое место, где росли вербы. В те вербы постоянно ударяли молнии. Старики рассказывали, что там девушки закапывали своих детей и поэтому молнии били в то место [Peřka 1987, 61]. В Модлинице около Кракова над местом их погребения росла большая старая липа [Biegeleisen 1927, 227]. Судя по этнографическим описаниям XIX–XX вв., в различных южнославянских регионах — Болгарии, Македонии, Сербии, Боснии, Хорватии — похороны некрещеных детей под деревом, особенно фруктовым, были не столь уж большой редкостью. У болгар некрещеных детей зарывали в саду у какого-нибудь дерева [Маринов 1984, 528]. Македонцы над рекой Брегалницей хоронили их под каким-либо деревом без особого обряда [Малинов 2001, 92]. Сербь под Крушевацем, когда умирал некрещеный ребенок, не хоронили его на кладбище. Дитя омывали, красиво пеленали и закапывали под фруктовым деревом, чтобы женщина, у которой умер младенец, снова родила. В Биволье мертворожденного или умершего некрещеным ребенка тоже хоронили не на кладбище, а в усадьбе под фруктовым деревом, чаще всего сливой. Это обычно делала свекровь или какая-то пожилая соседка, не омывая, но пеленая. В селе Толевац в Темниче, когда умирало некрещеное дитя, его хоронили не на кладбище, а в своей усадьбе под фруктовым привоем или в лесочке у сельского кладбища [Савковић 1984, 223]. В Таково сербы таких детей тоже раньше не относили на погост, а погребали на отцовской усадьбе, под каким-то фруктовым деревом, никак не помечая могилы [Филиповић 1972, 173]. В районе Болеваца некрещеного ребенка хоронили где-то в сливнике или во дворе и о нем больше не печалились [Грбић 1909, 114]. В Алексинацком Поморавье в прошлом был обычай не хоронить некрещеных детей на кладбище, а только в саду или вблизи дома [Антонијевић 1971, 159]. В селах на северо-западе боснийского региона Семберия их тоже хоронили в саду или под окном дома, часто без гроба. Погребение совершалось женщинами-соседками, а на его месте сажали яблоню [Бајић 1979, 338–339]. Также тайное погребение

некрещеных детей в саду, на огороде или на гумне практиковалось русскими в Орловской губернии [Трунов 1869, 41]. В Беларуси в саду, на огороде, но чаще на гумне хоронили мертворожденных детей, при этом на свеженасыпанной могиле младенца раскладывали костерок из осиновых сучьев и произносили какие-то заговоры, которые хранились в тайне у знахарей и знахарок. Если же ребенок рождался живым, но умирал до крещения, его хоронили вне ограды кладбища и вместо креста ставили простой камень или, в некоторых деревнях, треугольник из осинового дерева [Шпилевский 1856, 18].

Можно предположить, что такой способ похорон имел целью заручиться поддержкой маленького усопшего, подобно захоронению в саду костей коровы-заступницы в волшебных сказках. Недаром фольклористы рассматривают «потерчат» и как возможное персонажное воплощение коллективной силы автохтонного рода, обладающее охранными функциями по отношению к его членам. Когда возникала неотвратимая угроза человеческой жизни, предотвратить ее в быличках была способна только коллективная мудрость и предусмотрительность рода, воплощенная в образах духов предков, в том числе «потерчат», приходящих на помощь своим живым братьям [Давидюк 1992, 110–111]. Это тоже отличает некрещеных детей от «заложных» покойников, которые преимущественно недоброжелательны, вредоносны.

Как и в случае с описанием кладбища, в «Страшной мести» прослеживаются мифологические представления, которые, возможно, восходят к иранскому этническому субстрату. Образ умерших детей на деревьях напоминает о верованиях осетин — потомках скифов и сармат-алан, древних ираноязычных кочевников причерноморских степей. Как известно, их похоронно-поминальная обрядность отличалась особой архаичностью. В частности, осетины считали, что в пятницу поминального праздника Лауызганæн умершие выходили из царства мертвых, сажали детей, оказавшихся вместе с ними на том свете, на деревья, а сами отправлялись домой, чтобы навестить живых родственников. Поэтому в этот период нельзя было делать резких, неосторожных движений — из опасения, что дети

могут упасть с деревьев [Уарзиати 1995, 59; Чибиров 2008, 43, 314, 427].

Об этом свидетельствуют фольклорные записи конца XIX в. С заходом солнца в пятницу, по осетинскому народному поверью, мертвые были свободны. Новые покойники оставались охранять место пребывания, старые же, т.е. умершие не в истекшем году, а раньше, сажали умерших детей на деревья, а сами шли в дом к живым родным, которые старались их встретить в чистоте и опрятности. Подметался и убирался как двор, так и все внутри дома, все двери оставались растворенными настежь. Для гостей с того света накрывались столы, к закату солнца в пятницу для них у осетин были готовы кушанья и напитки. Те, у которых в истекшем году умер кто-либо из семьи, готовили к указанному времени суток всего понемногу, и часть пищи женщины несли на кладбище, где, поставив принесенное мертвому, делили между всеми присутствующими. В дом же приглашались мужчины, которые в свою очередь приготовленные напитки и кушанья посвящали умершим, а затем со смирением сами принимались угощаться. Никто не должен был в продолжение этого праздника производить любые сотрясения, совершать резкие, неосторожные движения, толочь что-либо в ступе или делать сильные удары, вызывающие содрогание земли, не то могли свалиться с деревьев умершие дети. По поверью, мертвые возвращались обратно через неделю [Периодическая печать 1987, 69–70]. Определенным образом с этой мифологической картиной поминок перекликается белорусское поверье из Новогрудского уезда Минской губернии, по которому некрещеных детей отпускают во время Святок из ада на гулянье [Крачковский 1874, 168–169].

Подтверждением древности осетинских верований служат свидетельства китайских географических трактатов III–IV вв. и более ранних эпох о горах Иньшань, т.е. Серебряных, которые пробуют отнести

к Северному Причерноморью [Туаллагов 2001, 44]. Но также можно предположить, что они касаются горного массива в Ордоесе и связаны с верованиями родственных скифам и пазырыкам ираноязычных кочевников лоуфаней [Ковалев 2008, 96, 98–100]. Китайские географы рассказывали, что в этих горах якобы росла женщина-дерево. На рассвете на ее ветвях появлялись голые дети. Целый день они резвились и бегали, а в конце дня, когда солнце садилось, уходили под землю. На следующие сутки все повторялось. Иногда таким детям на деревьях приписывались смех и болтание руками и ногами [Юань 1987, 193–194, 331], что перекликается и с гоголевской повестью.

Это не единственный случай, когда Николай Гоголь отражает в своем творчестве архаичные мифологемы древнеиранского происхождения, и не только в «Страшной мести», но и в «Вие», «Ночи перед Рождеством» [Рахно 2016; Рахно 2017а], «Тарасе Бульбе» [Рахно 2017] и других произведениях.

Таким образом, в «Страшной мести» Николая Гоголя мотивы народного христианства переплетаются с архаическим языческим пластом мировоззрения, который местами, вероятно, даже восходит к дославянскому населению Северного Причерноморья. Одним из таких моментов является образ некрещеных детей, который, наряду с прочими, участвует в создании готической атмосферы повести. Мы предполагаем, что они изображены пребывающими в лесу, на деревьях. Именно такие воззрения являются более древними, они подтверждаются другими независимыми источниками, перекликаются с бытовавшим у украинцев и других славян обычаем хоронить некрещеных младенцев под деревом в лесу или саду и находят неожиданные параллели у осетин. По всей видимости, Гоголь, опираясь на украинские народные верования своего времени, воспроизводит древнюю дохристианскую мифологему.

Источники и материалы

Антонијевић 1971 — Антонијевић Д. Алесиначко Поморавље // Српски етнографски зборник. Београд: Српска академија наука и уметности, 1971. Књ. LXXXIII.

Бајић 1979 — Бајић С. Погребни обичаји и надробни споменици сеоског становништва

у Сембереји // Зборник радова Етнографског института. Београд, 1979. Књ. 9. С. 321–359.

Гнатюк 1912 — Гнатюк В. Похоронні звичаї й обряди // Етнографічний збірник. Видає Етнографічна комісія Наукового товариства імені Шевченка. Львів: Друкарня Наукового товариства імені Шевченка, 1912. Т. XXXI–XXXII. С. 131–424.

Гоголь 1979 — *Гоголь Н. В.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Киев: Дніпро, 1979.

Грбић 1909 — *Грбић С. М.* Српски народни обичаји из среза Бољевачког // Српски етнографски зборник. Београд: Српска краљевска академија, 1909. Књ. XIV. С. 1–382.

Зеленин 1916 — *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1916. Вып. 1.

Короленко 1989 — *Короленко В. Г.* Собрание починений. В 5 т. Т. 1: Повести и рассказы, 1879–1888 / Редкол. Г. А. Бялый и др.; Сост., подгот. текста, прим. Б. Аверина, Н. Дождиковой. Л.: Худож. лит., 1989.

Крачковский 1873 — *Крачковский Ю. Ф.* Быт западно-русского селянина // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М.: Университетская тип., 1873. Кн. 3. С. 1–212.

Малинов 2001 — *Малинов З.* Посмртните обичаји во Брегалничката област. Скопје: Институт за фолклор Марко Цепенков, 2001.

Маринов 1984 — *Маринов Д.* Избрани произведения: В 2 т. Т. 2: Етнографическо (фолклорно) изучаване на Западна България (Видинско, Кулско, Белградчишко, Ломско, Берковско, Оряховско, Врачанско). София: Наука и изкуство, 1984.

Народная демонология 2012 — Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 2: Демонологизация умерших людей. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

Периодическая печать 1987 — Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Науч.-поп. сб. / Сост., предисл., прим. и коммент. Л. А. Чибирова. Цхинвали: Ирыстон, 1987. Кн. 3.

Савковић 1984 — *Савковић Д.* Промене у обичајима у приградским насељима индустријске зоне Крушевца // Зборник радова Етнографског института. Београд, 1984. Књ. 14–16. С. 201–229.

Трунов 1869 — *Трунов А. И.* Понятия крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1869. Т. 2. С. 3–48.

Филиповић 1972 — *Филиповић М. С.* Таковци: етнолошка посматрања // Српски етнографски зборник. Београд: Српска академија наука и уметности, 1972. Књ. LXXXIV. С. 1–274.

Чубинский 1877 — *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Т. 4: Обряды: родины, крестины, свадьбы, похороны. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1877.

Шевченко 1970 — *Шевченко Т.* Твори: В 5 т. Т. 2: Поетичні твори (1847–1861). Київ: Дніпро, 1970.

Шпилевский 1856 — *Шпилевский П. М.* Белоруссия в характеристических описаниях

и фантастических ее сказках // Пантеон. 1856. Т. 25. Кн. 1–2. С. 1–30.

Юань 1987 — *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1987.

Biegeleisen 1927 — *Biegeleisen H.* Matka i dziecko w obrzędach, wierzeniach i zwyczajach ludu polskiego. Lwów: Ateneum, 1927.

Fischer 1928 — *Fischer A.* Rusini: zarys etnografij Rusi. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1928.

Markov 1957 — *Markov J.* Historické údaje k národopisu Horehronia // Slovenský národopis. Bratislava, 1957. № 5. S. 538–542.

Tomášik 1872 — *Tomášik S.* Pamätnosti Gemersko-Malohontské // Letopis Matice Slovenskej. 1872. Ročník IX. Zväzok 1. S. 31–53.

Исследования

Агапкина 1994 — *Агапкина Т. А.* Южнославянские поверья и обряды, связанные с плодовыми деревьями, в общеславянской перспективе // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 84–111.

Вархол 2017 — *Вархол Н.* Народна демонологія українців Словаччини. Свидик: Плачіреň svídnicka, s.r.o. pre Rusínsko-ukrajinsku iniciatívu, 2017.

Войтович 2015 — *Войтович Н.* Народна демонологія Бойківщини. Львів: Сполом, 2015.

Давидюк 1992 — *Давидюк В. Ф.* Українська міфологічна легенда. Львів: Світ, 1992.

Кабакова 2001 — *Кабакова Г. И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001.

Ковалев 2008 — *Ковалев А. А.* Локализация народов эпохи Чжаньго на северных границах китайских государств (по археологическим и письменным источникам) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4/5. С. 94–102.

Рахно 2016 — *Рахно К. Ю.* Иранские мифологические мотивы в повести Николая Гоголя «Ночь перед Рождеством» // Актуальные проблемы гуманитарного знания в XXI веке: состояние и перспективы развития: К 90-летию академика Г. Г. Гамзатова: Матер. Междунар. науч. конф. (Махачкала, 5–6 мая 2016 г.). Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН: АЛЕФ, 2016. С. 171–175.

Рахно 2017 — *Рахно К. Ю.* Казнь убийцы на Запорожской Сечи: истоки обычая // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения): Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 мая 2017 г.). Ростов н/Д: Альтаир, 2017. С. 196–202.

Рахно 2017а — *Рахно К. Ю.* Пузатый Пацюк и нартовский Сырдон: родство образов // Адыгский эпос «Нарты» и мировое эпическое наследие: К 95-летию со дня рождения выдающегося ученого-нартоведа, докт. филол. наук А. М. Гадагатля (20–23 сентября 2017 г., Майкоп). Майкоп: Гуманитар ушэтынхэмкэ

адыгэ республикэ институтэу КІэрэщэ Тембот
щІэкІэ шытыр, 2017. С. 144–147.

Рахно 2019 — *Рахно К.* Танатологические мо-
тивы «Страшной мести» Николая Гоголя в кон-
тексте этнокультурных связей украинцев // *Studia mythologica slavica*. Ljubljana, Slovenija;
Udine, Italia, 2019. Т. 22. С. 143–161.

Туаллагов 2001 — *Туаллагов А. А.* Скифо-
сарматский мир и нартовский эпос осетин.
Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского уни-
верситета, 2001.

Уарзиати 1995 — *Уарзиати В.* Празднич-
ный мир осетин. Владикавказ: СОИГИ, 1995.
232, 214, [2] с.

Чибиров 2008 — *Чибиров Л. А.* Традицион-
ная духовная культура осетин. М.: Российская
политическая энциклопедия (РОССПЭН),
2008.

Pełka 1987 — *Pełka L. J.* Polska demonologia
ludowa. Warszawa: Iskry, 1987.

© К. Ю. Рахно, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рахно К. Ю. <https://orcid.org/0000-0002-0973-3919>

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального музея-заповедника
украинского гончарства в Опoшном: Украина, Полтавская обл., Зеньковский р-н, пос. Опoш-
ное, ул. Партизанская, д. 102; тел.: +380 (5353) 4-24-16; e-mail: krakhno@ukr.net

The Folkloric Image of Unbaptized Children in Nikolai Gogol's Story "A Terrible Revenge"

Kostyantyn Yu. Rakhno

(National Museum of Ukrainian Pottery in Opishne: 102, Partyzanska str., Opishne,
Zinkiv District, Poltava Region, 38164, Ukraine)

Summary. "A Terrible Revenge" is one of Nikolai Gogol's most striking and famous stories. In it motifs of popular Christianity intertwine with those of an archaic pagan worldview. For a long time, critics believed that the story, with its plot twists and unusual characters, was mostly influenced by Western European Romantic literature. Today the view that prevails among scholars is that the overwhelming majority of its images were not invented by the writer himself and did not come from books, but rather were derived from folklore and popular belief. In this connection, the description of demonic characters — in particular, unbaptized children — is significant. This, among other things, helps to create the story's Gothic atmosphere. These children are depicted as residing in the forest, in trees. This is an ancient image and echoes the custom of Ukrainians and other Slavs to bury unbaptized babies under a tree in a forest or garden, and it also finds unexpected parallels among Ossetians. Ossetians believed that on memorial days the dead left the other world, put children who were with them in the afterlife in trees, and went home to visit their living relatives. This may indicate the derivation of the Gogolian image from a pre-Slavic ethnic substratum.

Key words: Nikolai Gogol, "A Terrible Revenge", folklore, beliefs, unbaptized children.

Received: July 7, 2020.

Date of publication: September 25, 2020.

For citation: Rakhno K. Yu. The Folkloric Image of Unbaptized Children in Nikolai Gogol's Story "A Terrible Revenge." *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 3. Pp. 66–72. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.005>

References

Agapkina T. A. (1994) Yuzhnoslavjanskije pover'ya i obryady, svyazannye s plodovymi derev'yami, v obshcheslavjanskoj perspektive [South Slavic Beliefs and Rituals Associated with Fruit Trees in a General Slavic Perspective]. In: *Slavyanskii i balkanskii fol'klor: Verovaniya. Tekst. Ritual [Slavic and Balkan folklore: Belief. Text. Ritual]*. Moscow: Nauka. Pp. 84–111. In Russian.

Chibirov L. A. (2008) Traditsionnaya dukhovnaya kultura osetin [The Traditional Spiritual Culture of the Ossetians]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). In Russian.

Davidyuk V. F. (1992) Ukrain's'ka mifologichna legenda [Ukrainian Mythological Legend]. Lvov: Svit. In Ukrainian.

Kabakova G. I. (2001) Antropologiya zhen'skogo tela v slavyanskoj traditsii [Anthropology of

the Female Body in the Slavic Tradition]. Moscow: Ladomirp. In Russian.

Kovalev A. A. (2008) Lokalizatsiya narodov epokhi Chzhan'go na severnykh granitsakh kitaiskikh gosudarstv (po arkheologicheskim i pis'mennym istochnikam) [Localization of the Peoples of the Warring States Period on the Northern Borders of the Chinese Kingdoms (According to Archaeological and Written Sources)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Altai State University]. 2008. No. 4/5. Pp. 94–102. In Russian.

Pełka L. J. (1987) Polska demonologia ludowa [Polish Folk Demonology]. Warsaw: Iskry. In Polish.

Rakhno K. (2019) Tanatologicheskie motivy "Strashnoi mesti" Nikolaya Gogolya v kontekste etnokol'turnykh svyazei ukrainsev [The Thanatological Motifs of "A Terrible Revenge" by Nikolay Gogol in the Context of the Ethnocultural Connections of the Ukrainians]. *Studia mythologica slavica*. 2019. Vol. 22. Pp. 143–161. In Russian.

Rakhno K. Yu. (2016) Iranskie mifologicheskie motivy v povesti Nikolaya Gogolya "Noch' pered Rozhdestvom" [Iranian Mythological Motifs in Nikolay Gogol's Story "Christmas Eve"]. In: Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniya v XXI veke: sostoyaniye i perspektivy razvitiya. K 90-letiyu akademika G. G. Gamzatova [Actual Problems of Humanitarian Knowledge in the 21st Century: The State of Affairs and Developmental Prospects. For the 90th Anniversary of Academician G. G. Gamzatov]. Mater. of the Intern. Schol. Conf. (Makhachkala, May 5–6, 2016). Makhachkala: IYaLI DNTs RAN: ALEF. Pp. 171–175. In Russian.

Rakhno K. Yu. (2017) Kazn' ubiitsy na Zaporozhskoi Sechi: istoki obychnaya [The Execution of a

Murderer in the Zaporozhian Sich: The Origins of a Custom]. In: Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov Yuga Rossii (VI Tokarevskie chteniya) [War and Military Traditions in the Cultures of the Peoples of the South of Russia (Tokarev Readings, 6)]. Mater. of the All-Russian Schol. and Pract. Conf. (Rostov-on-Don, May 4–5, 2017). Rostov n/D: Al'tair. Pp. 196–202. In Russian.

Rakhno K. Yu. (2017a) Puzaty Patsyuk i nartovskii Syrdon: rodstvo obrazov [Paunchy Patsyuk and the Nart Syrdon: The Connection Between Their Images]. In: Adygs'kii epos "Narty" i mirovye epicheskoe nasledie: K 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya uchenogo-nartoveda, d-ra filol. nauk A. M. Gadagatlya [The Adyge Epos "Narts" and the World Epic Heritage: To the 95th Anniversary of the Birth of the Outstanding Scholar and Nart Epos Scholar, Doctor of Philology A. M. Gadagatly]. Maykop: Gumanitar ushetynkhemle adyge respublike instituteu Klereshche Tembot ytslekle shchytyr. Pp. 144–147. In Russian.

Tuallagov A. A. (2001) Skifo-sarmatskii mir i nartovskii epos osetin [The Scythian-Sarmatian World and the Nart Epos of the Ossetians]. Vladikavkaz: Izdatel'stvo Severo-Osetinskogo universiteta. In Russian.

Uarzyati V. (1995) Prazdnichnyi mir osetin [The Festive World of the Ossetians]. Vladikavkaz: SOIGI. In Russian.

Varkhol N. (2017) Narodna demonologiya ukraintsiv Slovachchini [The Folk Demonology of the Ukrainians in Slovakia]. Svidnik: Tlačiaren svidnícka. In Ukrainian.

Voitovich N. (2015) Narodna demonologiya Boikivshchini [Folk Demonology of the Boyko Region]. Lvov: Spolom. In Ukrainian.

© K. Yu. Rakhno, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Kostyantyn Yu. Rakhno <https://orcid.org/0000-0002-0973-3919>

E-mail: krakhno@ukr.net

Tel.: +380 (5353) 4-24-16

102, Partyzanska str., Opishne, Zinkiv District, Poltava Region, 38164, Ukraine

DSc in History, Leading Researcher, National Museum of Ukrainian Pottery in Opishne

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)